добра другому, а одному себе". Другой отличительной чертой лексикографического описания зависти является его тяготение к интерпретативности (об интерпретации см.: [19, с. 61–64]), а не к толкованию через синонимы, как это происходит в случае любви и ненависти. Родовые признаки зависти в этих словарях задаются способом классической дефиниции – "чувство досады и раздражения", а все прочие – в виде интерпретации, правда, номинативной, – "вызванное превосходством..., нежеланием...". Эти же признаки, в принципе, отмечаются у зависти в теоретических работах по лексикографии [20, с. 22; 21, с. 64].

DURA SICUT INFERNUS AEMULATIO

Ревность также обогатила мировое искусство и криминальную статистику немногим меньше, наверное, чем любовь. "Драма ревности" – такой же расхожий подзаголовок театральной пьесы, как и название заметки из раздела уголовной хроники, однако в психологической и философской литературе ревность представлена несколько реже, чем зависть. Ревность ближе из всех чувств стоит к любви и ненависти, более того, она их включает в себя: тот, кто ревнует, как правило, любит или любил предмет ревности и ненавидит соперника: "Ревность всегда рождается вместе с любовью, но не всегда вместе с нею умирает" (Ф. Ларошфуко). Ревность еще более, чем зависть, слита с механизмом психологической самозащиты "Я": "В ревности больше себялюбия, чем любви" (Ф. Ларошфуко).

Формально, по числу аргументов, семантическая структура ревности подобна структуре зависти и включает в себя три элемента: Jealousy – a sentiment of hate by one person for another because of the relations of both to a third [22, с. 148], т.е. иными словами, можно сказать, что актанты ревности как межличностного чувства составляют вершины "любовного треугольника". Однако по существу – по семантическому наполнению этих актантов – ревность весьма отлична от зависти уже на глубинном семантическом уровне, не говоря уже об уровне поверхностной реализации этих моральных чувств. Так, если семантические косвенные объекты зависти и ревности совпадают – завидуют и ревнуют всегда (к) кому-либо, то на прямой объект ревности накладываются ограничения – его место могут занимать лишь имена лиц и живых существ. Более того, прямой объект ревности в определенном смысле опять же "раздваивается" на носителя признака и сам признак: ревнуют кого-либо не в совокупности физического, духовного и социального "Я" его личности – чувство ревности вызывается мыслью об утрате чьей-либо любви в широком смысле, любви во всех ее ипостасях – любви-эроса, любви-филии (дружбы), просто привязанности.

Семантическим признаком, позволяющим отделить ревность от зависти, является кроме того направление вектора желания: зависть сопровождается желанием получить объект в сферу своего влияния, ревность – желанием сохранить в ней этот объект, желанием собственника: "Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших ближних" (Ф. Ларошфуко). "Этичность", "праведность" ревности на фоне зависти отражена, в частности, в том, что она не попадает в число христианских "семи смертных грехов" и отнюдь не является "страстью робкой и стыдливой". Тот, кто ревнует, как правило, чувствует себя обманутым и преданным, и считает себя вправе требовать сохранения верности и постоянства от своего любовного партнера, to get it back [10, с. 334]. В этом смысле ревность – это типичное чувство собственника.

Еще одним ассоциативным семантическим признаком ревности можно считать "комплекс неполноценности" ее субъекта, его неуверенность в себе, приводящие к тому, что появление соперника вызывает у него чувство страха перед возможной потерей дорогого ему существа [23, с. 365].

Факультативным, но достаточно регулярным семантическим признаком, отличающим ревность от зависти, является ее "слабая фактивность": если завистник всегда уверен в том, что тот, кому он завидует, обладает предметом зависти, то ревнивец чаще всего лишь сомневается в любви и преданности любимого. Ревность поэтому "есть вид страха, связанный с желанием сохранить за собой обладание каким-нибудь благом" [5, с. 554], избавиться от которого можно лишь разрешив свои сомнения в ту или другую сторону: "Исцеляет от ревности только полная уверенность в том, чего мы больше всего боялись, потому что вместе с нею приходит или конец любви, или жизни" (Ф. Ларошфуко). Ревность, лишенная сомнений и подозрений, чаще всего "распадается" на ненависть и отчаяние; она может существовать после утраты любви, видимо, лишь в той мере, в какой у ее субъекта сохраняется надежда обрести эту любовь вновь. От зависти ревность отличается также и тем, что "включенная" в нее ненависть активна и постоянно ищет сближения с соперником [10, с. 333]. Субъективно ревность переживается намного интенсивнее, мучительнее зависти: "...Люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные, она – пламень весьма сильный" (Песнь песней: 8, 6); "Терзания ревности – самые мучительные из человеческих терзаний и к тому же менее всего внушающие сочувствие к тому, кто их испытывает" (Ф. Ларошфуко). Психо-соматические проявления ревности – это